

УДК 81'42:371.3
DOI 10.32999/ksu2663-3426/2019-1-25

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ИССЛЕДОВАНИИ РИТОРИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Воробьева Алла Викторовна,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры практики иностранных языков
Херсонский государственный университет
shkrekster@gmail.com
orcid.org/0000-0003-3425-0174

В статье рассмотрены теоретические основы и практические механизмы реализации прагматического компонента в риторическом дискурсе. Теоретический анализ раскрывает взаимоотношение современной риторики и лингвистической прагматики, специфику их взаимодействия в рамках риторической деятельности. В ходе изучения обозначены критерии действенности прагматического компонента дискурса оратора (эстетичность, прагматическая эмоциональность). Для рассмотрения практических механизмов подробно представлены основные достоинства публичной речи, отвечающие за степень прагматического воздействия, а именно: выразительность, образность, коммуникативная действенность. Описаны способы достижения риторической выразительности (риторические фигуры, приемы диалогизации, общие средства выразительности и так далее). Проанализирована значимость синонимичных проявлений и антонимичных противопоставлений с точки зрения как семантики, так и прагматики. Особое внимание уделено фонетико-интонационным показателям риторического дискурса, предложены критерии оценивания их в дискурсе оратора. Дана расширенная характеристика образности, названы основные приемы достижения образности риторического дискурса – риторические тропы. Подчеркнута разница в требованиях к использованию тропов в стилистике и современной риторике, где такие средства выразительности призваны педальировать персуазивность слов с целью обеспечения более действенной, прагматической позиции говорящего. Предложен современный взгляд на тропы с точки зрения реализации персуазивности с помощью доступности и наглядности созданного художественного образа. Обозначены требования к созданию в речи эффективной метафоры и метонимии. Определены базовые концепты коммуникативной действенности (коммуникативная стратегия, тактика, стиль). Раскрыта сущность коммуникативной стратегии в риторике, которую позиционируют как планирование гармонизирующего коммуникативного воздействия. Предложены критерии для определения уровня прагматической культуры выступающего. В ходе исследования названы приемы осуществления коммуникативных стратегий – риторические тактики.

Детальное рассмотрение теоретических основ и практических механизмов прагматического аспекта публичной речи позволило выявить специфику персуазивных компонентов риторического дискурса, обозначить перспективы их выявления в речи и оценки, предложить фактический инструмент для создания и презентации эффективных вербальных и невербальных средств воздействия, успешных стратегий и тактик убеждения.

Ключевые слова: риторический дискурс, пафос, выразительность, образность, коммуникативная действенность.

ПРАГМАТИЧНИЙ АСПЕКТ У ДОСЛІДЖЕННІ РИТОРИЧНОГО ДИСКУРСУ

Воробйова Алла Вікторівна,
кандидат педагогічних наук,
доцент кафедри практики іноземних мов
Херсонський державний університет
orcid.org/0000-0003-3425-0174

У статті розглянуто теоретичні основи та практичні механізми реалізації прагматичного компонента в риторичному дискурсі. Теоретичний аналіз розкриває взаємовідносини сучасної риторики та лінгвістичної прагматики, специфіку взаємодії їх у межах риторичної діяльності. У процесі дослідження визначено критерії дієвості прагматичного компонента дискурсу оратора (естетичність, прагматичну емоційність). Для розгляду практичних механізмів докладно представлено основні переваги (якості) публічного мовлення, що відповідають за ступінь прагматичного впливу, а саме: виразність, образність, комунікативну дієвість. Описано способи реалізації риторичної виразності (риторичні фігури, прийоми діалогізації, загальні засоби виразності тощо). У процесі дослідження проаналізовано значимість синонімічних проявів та антонімічних протиставлень із позиції як семантики, так і прагматики. Особливу увагу приділено фонетико-інтонаційним показниками риторичного дискурсу, запропоновано критерії оцінювання їх у дискурсі оратора. Подано розширену характеристику образності, названо основні прийоми досягнення образності риторичного дискурсу – риторичні тропи. Підкреслено різницю у вимогах для використання тропів у стилістиці та сучасній риторичній, де такі засоби виразності покликані

педалювати персуазивність слів із метою забезпечення більш дієвої, прагматичної позиції мовця. Запропоновано сучасний погляд на тропи з позиції реалізації персуазивності за допомогою доступності й наочності створеного художнього образу. Окреслено вимоги до створення та реалізації в мовленні ефективної метафори й метонімії. Виокремлено базові концепти комунікативної дієвості (комунікативну стратегію, тактику, стиль). Розкрито сутність комунікативної стратегії в риторичному дискурсі, яку позиціонують як планування гармонізуючого комунікативного впливу. Запропоновано критерії для визначення рівня прагматичної культури мовця. У процесі дослідження названо прийоми здійснення комунікативних стратегій – риторичні тактики.

Детальний розгляд теоретичних основ і практичних механізмів прагматичності риторичного дискурсу дає змогу виявити специфіку персуазивності компонентів публічного мовлення, окреслити перспективи їх виявлення в мові та оцінки, запропонувати продуктивні методи створення й презентації ефективних мовних і немовних засобів впливу, дієвих стратегій та тактик переконання.

Ключові слова: риторичний дискурс, пафос, виразність, образність, комунікативна дієвість.

PRAGMATIC APPROACH IN THE ANALYSIS OF THE RHETORICAL DISCOURSE

Vorobiova Alla Viktorivna,
Candidate of Pedagogic Sciences,
Associate Professor at the Department of Foreign Language Practice
Kherson State University
orcid.org/0000-0003-3425-0174

The article discusses the theoretical foundations and practical mechanisms for the implementation of pragmatic component in the rhetorical discourse. The theoretical analysis reveals the relationship between modern rhetoric and linguistic pragmatics, the specificity of their interaction. The research also deals with the criteria for the effectiveness of the pragmatic component in the rhetorical discourse. The article considers the practical mechanisms of the pragmatic approach – the main speech characteristics (qualities) which are responsible for the degree of influence of pragmatism (speech expressiveness, figurativeness, communicative effectiveness). We describe the ways of achieving the rhetorical expressiveness in discourse: rhetorical figures, various ways of dialogizing, verbal and nonverbal expressive elements. The author analyzes the significance for using synonyms and antonyms as context clues from the semantic view and pragmatic position. Particular attention is paid to the criteria for evaluating acoustic and intonational indicators of the rhetorical discourse. Exploring the main pragmatic characteristics of speech, we determine the specificity of speech expressiveness, highlight the main strategies for achieving figurativeness. The author emphasizes the difference between the requirements for using the figures of speech in stylistics and modern rhetoric where such means of expression are intended to pursue the persuasiveness in order to ensure effective pragmatic position for the speaker. We propose a modern look at the figures of speech for demonstrating the power of a good argument, which can be created with accessibility and clarity of the word picture. We also indicate the role of figurative language such as metaphor and metonymy in speech creation. We especially focus on the basic concepts of communicative effectiveness (communication strategy, tactics and style). In essence, the study reveals the communicative strategy in rhetoric as planning for harmonizing communication. The criteria for determining the level of speaker's pragmatic competence are proposed too.

A detailed consideration of the theoretical foundations and practical mechanisms for the pragmatic component in public speech revealed the specificity of the persuasive components of public speech, outlined the prospects for their identification and evaluation in speech, and offered an actual tool for creating effective verbal and non-verbal elements of influence, successful strategies and tactics of persuasion.

Key words: rhetorical discourse, pathos, speech expressiveness, figurativeness, communicative effectiveness.

1. Введение

Риторический дискурс однозначно связан с теми проявлениями коммуникации, которые отвечают за успешность речевого воздействия, достижение говорящим определенной речевой цели, побуждение слушающего к действию. Очевидная прагматичность дискурса оратора наряду с его логичностью и этичностью обусловлена наличием адресата, присоединением элементов контекста и ситуации в общении, стремлением к аффективности. В свою очередь реализация прагматичности требует набора определенных теоретических знаний и практических умений

для нахождения эффективных способов воздействия публичной речью на слушателей, на их чувства, мысли, поведение.

Сегодня актуальность вопросов, связанных с созданием и продуцированием эффективного риторического дискурса, подтверждена количеством теоретических и практических исследований разных уровней. Прагматические характеристики ораторской речи рассматривают в контексте возрождения гражданского образования (Хоган, Курр, 2017), риторизации академического дискурса (Гаонкар, 1993; Норузи, 2016; Войдак, 2010), алгоритмизации персуазивных стратегий с помощью искусственного

интеллекта (Де Асканис, 2012; Дунг, 1995; Норузи, 2016; Вайнбергер, Фишер, 2006; Каренини, Мур, 2006), внедрения интерактивных методов познавательной деятельности (Старман, Крол, Мейден, 2005), создания системы аргументации для эффективного принятия решений (decision-making) (Амгуд, Праде, 2009; Паглиери, Кастельфранчи, 2010).

2. Роль риторического дискурса в лингвистике

Сущностным, содержательным базисом риторического дискурса выступает методологическая триада риторики (логос, этос, пафос), где каждый модус отвечает за логичность, этичность и прагматичность сказанного соответственно. Прагматический аспект публичной речи требует анализа его теоретических основ и систематизации практических механизмов для достижения большей действенности и эффективности дискурса. В связи с этим возникает необходимость изучения места и роли прагматического компонента в пафосе оратора, определения основных критериев действенности пафоса, выделения прагматических достоинств публичной речи, описания характерных способов их реализации. Такое исследование даст возможность определить внутреннюю организацию и специфику взаимодействия языковых явлений в риторическом дискурсе, усовершенствовать механизм отбора вербальных и невербальных средств актуализации речи, внедрить приемы целевого воздействия на реципиента, создать действенные стратегии убеждения.

Для современной лингвистики риторический дискурс выступает комплексным многомерным социокоммуникативным явлением. Его создание и продуцирование предполагает активизацию мыслеречевого процесса адресанта с целью эффективного убеждения. Успешность такой работы напрямую зависит от реализации трех модусов риторической деятельности (логоса, этоса, пафоса), которые отвечают за рациональность, моральность и прагматическую эмоциональность дискурса соответственно.

Со времен древних ораторов пафос выражал интеллектуальное, волевое, эмоциональное стремление говорящего, что проявляется и в процессе языковой коммуникации, и в его продукте – тексте (Мацько, Мацько, 2006: 11). Критерием действенности пафоса стал уровень эстетичности мыслеречевого процесса. Характеристиками указанного уровня являются категории, среди которых – гармония, порядок, мера, ритм,

симметрия (Михальская, 2002: 17). Известно о попытках таких ученых-лингвистов, как В. Клемперер, Э. Лерх, Л. Ольшки, К. Фосслер, Х. Хацфельд, Л. Шпитцер и другие, закрепить «примат эстетического» в языке (Шулежкова, 2008: 145).

Сегодня очевидна прямая зависимость качества пафоса от способности оратора транслировать высокие чувства. В целях персуазивности и действенности говорящий стремится «возбудить реакцию эстетического порядка», а точнее, вызвать образы – зрительные, звуковые, тактильные, вкусовые (Гальперин, 1981: 23). Адресант речи целенаправленно действует, стимулируя реакции адресата. Указанный модус способствует эффективности реализации интенции оратора и усилению перцепции аудитории через проявление чувств и эмоций как вербально, так и невербально в процессе общения. Следовательно, ученые справедливо считают, что пафос – это взаимодействие с прагматической целью (Михайличенко, 1994: 56).

Современные риторические студии предлагают анализ риторического дискурса с точки зрения его эстетичности, однако все более актуальными становятся критерии эффективности и действенности коммуникативной стратегии, способности адресанта решить прагматическую задачу выступления. Таким образом, основным критерием действенности пафоса наряду с эстетичностью выступает соответствие уровня прагматической стратегии качеству полученной реакции аудитории.

2.1. Взаимодействие риторики и лингвистической прагматики

Становится очевидным, что концепция пафоса в красноречии созвучна принципам лингвистической прагматики, изучающей язык как средство коммуникации в ситуативном контексте. Перлокутивный акт (основная единица прагматики, «высказывание по отношению к его результату» (Хазагеров, 2009: 28)) фактически отображает основные задачи риторического высказывания, так как в его смысловой структуре заложена эвристическая активность участников коммуникации (Селиванова, 2002: 68).

Риторика и лингвопрагматика оперируют общей терминологией и понятийным аппаратом, связаны с развитием коммуникативной культуры участников общения, с коммуникативным событием между креативным (производящим) и рецептивным (воспринимающим) сознанием. Объект изучения обеих

наук – речевое поведение человека, однако предмет изучения разнится. Риторика руководствуется рекомендательными принципами, в то время как лингвопрагматика рассматривает речевое поведение как таковое, как данность (Михальская, 2002: 94–95). Прагматика сосредоточена на детальном, статичном изучении языковедческих и психологических закономерностей выразительности. Риторика, по словам Л. Савенковой, стремится «мастерски использовать продукт прагматических исследований» (Савенкова, 2006: 153), подвергая анализу и отбирая эмоционально-речевые средства влияния для достижения эффективной действенности дискурса. Таким образом, теорию лингвопрагматики логично рассматривать как концептуальную основу прагматического аспекта риторической деятельности.

С точки зрения риторической прагматики в рамках дискурса оратора следует выделить следующие обязательные достоинства: выразительность, образность, коммуникативную действенность. В античной традиции изучения красноречия выделяли также красоту речи, рассматривая ее наряду с приятностью (Г. Хазагеров назвал ее «особой отделанностью» (Хазагеров, 2009: 351)), пышностью и величавостью, что имело особую ценность во времена софистов. Для современного дискурса прагматическая красота регулируема и референтна интенции адресанта, следовательно, допустимо полное ее отсутствие (например, в деловом или научном дискурсах).

2.2. Выразительность публичной речи

Обратимся к характеристике риторической выразительности в прагматическом аспекте. Это достоинство ученые трактуют по-разному: «умение пользоваться всеми стилями речи» (Мацько, Мацько, 2006: 106); качество, которое «дает возможность проявить пафос говорящего» (Савенкова, 2006: 153); «качество публичной речи, благодаря которому осуществляется влияние на эмоции и чувства аудитории» (Сагач, 2006: 30); «способность ясно передавать эмоционально-волевою деятельность сознания» (Хазагеров, 2009: 323). Исследователи связывают выразительность с умением пафосно, ярко нарушить тема-рематические закономерности дискурса для достижения большей действенности и эффективности.

Выразительность реализуют с помощью техники речи оратора, включающей вербальное и невербальное информирование. Вербальное наполнение дискурса, по мнению С. Абрамович, В. Молдован и М. Чикарь-

ковой, обеспечивает игра словом на уровне синтаксиса (Абрамович, Молдован, Чикарькова, 2002). Стилистически значимые типы таких конструкций называют фигурами.

Современные исследователи, например С. Абрамович, М. Чикарькова, А. Волков, Е. Ключев, Л. Мацько, О. Мацько, Г. Сагач, Г. Хазагеров и другие, по-разному классифицируют фигуры (Абрамович, Чикарькова, 2001; Волков, 2003; Ключев, 1999; Мацько, Мацько, 2006; Сагач, 2006; Хазагеров, 2009). Так, Е. Ключев делит средства выразительности на микро- и макрофигуры, где последние включают конструктивные и деструктивные единицы (Ключев, 1999). Л. Мацько и О. Мацько различают фигуры по дивергентным признакам как «определенное переосмысление с разной мерой изменения семантики» (Мацько, Мацько, 2006: 142). А. Волков предлагает систематизацию с опорой на специфику «речевой конструкции», распределяя их на три группы: а) фигуры осмысления, соотносимые с высказыванием как завершенной мыслью; б) фигуры выделения, оформляющие фразу; в) фигуры диалогизма, используемые для «создания эффекта диалога в монологической речи» (Волков, 2003: 299).

В рамках классической градации риторические фигуры подразделяют на такие группы: 1) прибавления (амплификация, анафора, киклос, энапод, метабола, охват, сплетение и другие); 2) убавления (эллипсис, элизия, асиндетон, зевгма, прозиопезис и другие); 3) расположения (хиазм, антитеза, антиметабола и другие). Каждая из таких групп получает свой изобразительный смысл: первая демонстрирует стабильность протекания эмоций говорящего, вторая – динамизм настроения, а третья – нестабильность, колебание чувств.

Принято считать, что риторические фигуры действуют на небольших отрезках дискурса. Однако, по мнению И. Стернина, эффективность этих приемов работает, если «он один и краткое выступление построено на одном этом риторическом приеме» (Стернин, 2007: 83), и не срабатывает в случае их многократного, однообразного применения.

Вне зависимости от размеров дискурса прагматической целью выразительности становится абсолютная взаимная перцепция со стороны адресата и адресанта, что достигается использованием приемов диалогизации и общих средств выразительности. Задача их введения состоит в конструктивном и целесообразном создании коммуникативной

архитектоники. Среди приемов диалогизации можно назвать риторический вопрос, риторическое восклицание, вводные слова, вводные конструкции, введение мнения оппонента и возражение ему, обращение, вопросно-ответный ход изложения, апелляцию к слушателю и другие. К общим средствам выразительности относят термины, архаизмы, неологизмы, многозначные слова, синонимы, антонимы, фразеологизмы. Иногда для достижения эффекта большей выразительности, как утверждает Г. Сагач, оратор может избрать «нелитературные формы функционирования языка», но лишь в том случае, если «они используются осознанно и целесообразно, оживляя, а не искажая речь» (Сагач, 2006: 30).

В рамках изучения прагматической выразительности интерес представляет анализ синонимичных проявлений и антонимичных противопоставлений с точки зрения как семантики, так и прагматики. Семантические характеристики синонимов/антонимов ординарны, штатны, закреплены правилами, а прагматические в большей мере определяются контекстом, базируясь на выделении параметров, которые актуальны для той или иной сферы социального опыта (Иссерс, 2009: 120). Фразеологизмы, включающие пословицы, поговорки, крылатые выражения, воспроизводятся в речи в виде устойчивых лексико-грамматических единиц. В риторической прагматике вторичный производный характер фразеологизма является источником для языковой игры и создания комического эффекта в дискурсе.

Таким образом, лексико-стилистические средства выразительности обладают разнообразными ресурсами воздействия, могут быть использованы элективно, одноразово, а также действовать во время произнесения всего дискурса, что способствует успешности восприятия заложенных оратором смыслов.

Адекватная прогнозируемая перцепция, по мнению М. Герман, С. Гурвич и В. Погорелко, зависит от «качества художественной стороны ораторской речи» (Герман, Гурвич, Погорелко, 1988: 113), которую называют техникой речи. Названные ученые считают, что техника в риторике отображает художественную сторону ораторской речи и состоит из слухового (голос, дикция, интонация, темп речи) и зрительного (жесты, мимика, поза) аспектов.

Практические рекомендации по совершенствованию слухового аспекта предлагают С. Абрамович, М. Чикарькова, Л. Браун, О. Гойхман, Т. Надеина, С. Коваленко,

М. Колтунова, А. Овчинникова, Г. Онуфриенко, Н. Осипова, Ю. Пинчук, И. Стернин и другие ученые (Абрамович, Чикарькова, 2001: 198–203; Браун, 1996: 95; Гойхман, Надеина, 2007: 162; Коваленко, 2007: 57–67; Колтунова, 2000: 80–83; Овчинникова, 1997: 26; Онуфриенко, 2008: 228; Осипова, 2009: 109–121; Стернин, 2007: 83). Исследователи подчеркивают эстетическую ценность такого рода средств воздействия, настаивая на целесообразности предварительного анализа и обработки фонетико-интонационного рисунка для повышения качества звучания произносимого высказывания.

Г. Онуфриенко в шкале оценивания фонетико-интонационных показателей риторического дискурса выделяет такие критерии:

- орфоэпическую точность (выполнение орфоэпических норм в ударении и произношении слов);

- выразительные признаки выступления (речь произносится ярко, выразительно; ударения во фразах соответствуют содержанию предложений);

- интонационный рисунок речи (полное соответствие разговорно-книжному характеру и жанру публичной речи);

- технику речи (произнесение всех слов с четкой артикуляцией) (Онуфриенко, 2008).

Пафос также определяет кинесику ратора как совокупность визуальных характеристик человека через жесты, мимику, позу (положение тела и осанку), походку и проксемику (положение выступающего в пространстве аудитории).

Таким образом, работа над прагматической выразительностью высказывания предполагает эффективное использование вербальных и невербальных ресурсов воздействия для создания яркой, эмоционально окрашенной речи.

3. Образность риторического дискурса

Образность и изобразительность как достоинства риторики выделяют не все исследователи. Это связано с мыслью о принадлежности поэтического, образного слова художественной литературе.

Под образностью в риторике Г. Хазагеров понимает «способность речи вызывать конкретно-чувственные образы действительности» (Хазагеров, 2009: 323). Это достоинство обеспечивает оригинальность, эмоциональность, яркость восприятия. Однако специфика риторической образности требует полного соответствия стратегии речи. Так, С. Абрамович, сравнивая образ и силло-

гизм в риторике, считает их равными по степени персуазивности (Абрамович, Молдован, Чикарькова, 2002). А. Михальская подчеркивает нацеленность образа на эффективное комментирование смыслов и отрицает его абсолютное господство в речи оратора. Она пишет: «Риторика начинается там, где от четко организованных в определенном порядке понятий, то есть от «мышления схемами» (Декарт), человек переходит к мышлению образами, причем понятийно-логическая схема еще очевидна и открыто обнаружена в речи» (Михальская, 2002: 83).

Наиболее изученными приемами достижения образности являются риторические тропы, обладающие сильным речевоздействующим потенциалом. В основе классификации находится базовое противопоставление ассоциаций по сходству (метафора и ее виды) и смежности (метонимия и ее виды).

Современная риторика и стилистика по-разному рассматривают эти, по словам О. Иссерса, «намеренные отклонения от речевого стандарта» (Иссерс, 2009: 161). Стилистика изучает тропы как результат «семантико-функционального переноса» (Мацько, Мацько, 2006: 143) для создания образов, которые сам адресат будет воспроизводить и дорисовывать в своем воображении. В свою очередь в риторике эти «формы художественного мышления» (Абрамович, Молдован, Чикарькова, 2002: 223) призваны педалировать персуазивность слов с целью обеспечения более действенной, прагматической позиции говорящего.

Актуализация, придание экспрессии и образности одному из признаков предмета либо явления служит прагматическим задачам риторического дискурса. Именно поэтому, по мнению Г. Хазагерова, в риторике, в отличие от художественного творчества, действительными являются как «оригинальные», так и «стершиеся» тропы» (Хазагеров, 2009: 281). Рассмотрим риторическую специфику некоторых из них.

Метафора в риторике трактуется двояко. Во-первых, это средство рассматривают как фигуру речи на основе сравнения (по традиции Аристотеля). Во-вторых, ее определяют как «парадоксальное понимание слов» (Хазагеров, 2009: 268). С точки зрения коммуникативной лингвистики и речевого воздействия метафору называют «самым продуктивным креативным средством обогащения языка» (Селиванова, 2002: 97), важным свойством которой является «способность влиять

на видение ситуации» (Иссерс, 2009: 162). В прагматическом аспекте риторики данный троп является важным способом эмоционального воздействия, обеспечивающим доступность и наглядность в подаче материала. Создание эффективной метафоры требует от ратора оптимизации языкового мышления, умения точно усвоить, сохранить, переработать определенный объем знаний и уместно представить аудитории. В метафоре оратор находит возможность более лаконично, ярко, используя семиотику, сблизить предметы и явления, что предоставляет возможность слушающим по-новому осмыслить их.

Развитое мышление ратора, умение находить связи между разнообразными категориями и понятиями способствуют успешности использования метонимии и синекдохи. И если метонимия – средство выразительности, при котором происходит замена словом, смежным по значению, то синекдоха называет части вместо целого, частное вместо общего и наоборот. По мнению Г. Хазагерова, метонимии следует подбирать на основании пространственной, временной и логической смежности (Хазагеров, 2009). Использование синекдохи позволяет сделать краткость речи яркой и образной. Тропы как эффективные средства воздействия призваны заинтересовать, заинтриговать аудиторию, предлагая адресату самостоятельно узнать, идентифицировать предмет (явление).

Таким образом, риторические тропы определяют образность риторического дискурса и способствуют стимуляции когнитивных операций говорящего и слушающего, создавая более живую и экспрессивно-выразительную речь.

Интерактивное декодирование языковых и семиотических знаков ведет к взаимному сближению оратора и аудитории в процессе взаимодействия. Вопрос о выразительности и образности связан с достижением цели публичного дискурса, его прагматической ответственности.

4. Прагматическая действенность дискурса оратора

Современная риторика, отрицая манипуляцию, предлагает поиск истины в процессе общения. Прагматическая действенность определена эмоциональной сферой (вызов чувственной реакции) или воздействует на подсознание (суггестия). Решение прагматической задачи публичного общения, базируясь на приемах диалогизации, напрямую зависит от мотивационной обусловленности,

целенаправленности и стратегии говорящего. Стратегию риторического воздействия характеризуют особенности канала связи и тип общения (контактный или дистантный).

Действенность обоюдна со стороны как адресанта, так и адресата речи, а также референтна силе реакции аудитории. Коммуникативная действенность риторического дискурса базируется на понятиях «коммуникативная стратегия», «тактика», «стиль». Существуют различные подходы исследователей к пониманию «коммуникативной стратегии» с точки зрения теоретико-практических основ психологии, социологии, лингвистики (Жданова, 2010; Иссерс, 2009; Ключев, 1999). Например, О. Иссерс называет стратегией «когнитивный план общения, посредством которого контролируется оптимальное решение коммуникативных задач говорящего в условиях достатка информации о действиях партнера» (Иссерс, 2009: 193).

Сущность коммуникативной стратегии в риторике представляет собой не столько «планирование действий» (Жданова, 2009: 43), сколько планирование гармонизирующего воздействия, при котором отбор и структурирование наиболее действенных вербальных и невербальных средств ведет от установления контакта к успешному взаимодействию коммуникантов.

Коммуникативная стратегия с учетом специфики и типа общения определяет уровень прагматической культуры выступающего. Эта сторона деятельности оратора обусловлена манерой поведения говорящего, формой контакта с аудиторией, приемами управления вниманием и методами воздействия, умением создать эмпатию и использовать митигации. Приемы осуществления стратегий – риторические тактики – представляют собой те вербальные и невербальные компоненты дискурса, выбор и последовательность которых обеспечивают максимальное воздействие. По мнению Е. Ждановой, «перманентное следование иерархии стратегий и тактик» в различных ситуациях общения способствует формированию определенного коммуникативного стиля, что позволяет в дальнейшем стать коммуникативным стратегом (Жданова, 2009: 155).

Таким образом, коммуникативная действенность в риторике предполагает способность прогнозировать эффективность применения стратегии и тактик общения в различных речевых ситуациях. Указанное достоинство контролирует планирование

публичной коммуникации, выбор оптимального решения риторической задачи, воздействие на оппонента посредством вербальной и невербальной информации.

Среди основных тактик коммуникативной действенности выделяем:

- усиление приемов диалогизации, составляющих эмоциональные и смысловые акценты дискурса;
- активизацию невербальной концентрации;
- создание успешного образа;
- усугубление выразительности убеждающих и воздействующих элементов дискурса.

5. Выводы

Потребность современного человека в эффективном общении формирует необходимость владения универсальными законами создания риторического дискурса. Теоретической основой для прагматического аспекта дискурса оратора выступают риторические законы пафоса и принципы лингвистической прагматики. Эффективную прагматичность публичного выступления обеспечивают достоинства речи, среди которых – выразительность, образность и коммуникативная действенность. Выразительность обеспечивает эффективное использование вербальных и невербальных ресурсов воздействия для создания яркой, эмоционально-окрашенной речи. Образность содействует созданию художественного образа для оптимизации интенции адресанта и перцепции адресата. Коммуникативная действенность способствует правильному выбору коммуникативной стратегии и тактик, формированию определенного коммуникативного стиля.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абрамович С., Молдован В., Чікарькова М. Риторика загальна та судова : навчальний посібник. Київ : Юрінком Інтер, 2002. 416 с.
2. Абрамович С., Чікарькова М. Риторика : навчальний посібник. Львів : Світ, 2001. 240 с.
3. Браун Л. Имидж – путь к успеху. Санкт-Петербург : Питер Пресс, 1996. 288 с.
4. Волков А. Основы риторики : учебное пособие для вузов. Москва : Академический проспект, 2003. 304 с.
5. Гальперин И. Текст как объект лингвистического исследования. Москва : Наука, 1981. 137 с.
6. Гойхман О., Надеина Т. Речевая коммуникация : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : ИНФРА-М, 2007. 272 с.
7. Гурвич С., Погорелко В., Герман М. Основы риторики. Киев : Вища школа, 1988. 248 с.

8. Жданова Е. Личность и коммуникация: практикум по речевому взаимодействию. Москва : Флинта, 2010. 176 с.
9. Иссерс О. Речевое воздействие : учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью». Москва : Флинта ; Наука, 2009. 224 с.
10. Ключев Е. Риторика. Инвенция. Диспозиция. Элокуция : учебное пособие для вузов. Москва : ПРИОР, 1999. 272 с.
11. Коваленко С. Сучасна риторика : навчально-практичний посібник. Тернопіль : Мандрівець, 2007. 184 с.
12. Колтунова М. Язык и деловое общение: нормы, риторика, этикет : учебное пособие для вузов. Москва : ОАО «НПО «Экономика», 2000. 271 с.
13. Мацько Л., Мацько О. Риторика : навчальний посібник для студентів вищих навчальних закладів. 2-ге вид., стереотип. Київ : Вища школа, 2006. 311 с.
14. Михайличенко Н. Основы риторики : учебное пособие. Москва : ЮНТУС, 1994. 54 с.
15. Михальская А. Методические рекомендации к учебнику «Основы риторики. 10–11 кл.» . Москва : Дрофа, 2002. 192 с.
16. Овчинникова А. П'ять кроків до гарної мови. Мовна комунікація: техніка мовлення / за ред. А. Цофнаса. Одеса : ОКФА, 1997. 184 с.
17. Онуфрієнко Г. Риторика : навчальний посібник для студентів вищих навчальних закладів. Київ : Центр учбової літератури, 2008. 592 с.
18. Ораторське мистецтво : навчальний посібник для студентів вищих навчальних закладів юридичних спеціальностей / Н. Осипова, В. Воднік, Г. Клімова ; за ред. Н. Осипової. 4-те вид., стереотип. Харків : Одиссей, 2009. 144 с.
19. Савенкова Л. Мовленнєва діяльність викладача : навчальний посібник. Київ : КНЕУ, 2006. 192 с.
20. Сагач Г. Словник основних термінів та понять риторики : навчальний посібник. Київ : МАУП, 2006. 280 с.
21. Селиванова Е. Основы лингвистической теории текста и коммуникации : монографическое учебное пособие. Киев : ЦУЛ ; Фитосоциоцентр, 2002. 336 с.
22. Стернин И. Практическая риторика : учебное пособие для студентов высших учебных заведений. 4-е изд., стереотип. Москва : ИЦ «Академия», 2007. 272 с.
23. Хаззагероф Г. Риторический словарь. Москва : Флинта ; Наука, 2009. 432 с.
24. Шулежкова С. История лингвистических учений : учебное пособие. 4-е изд. Москва : Флинта ; Наука, 2008. 408 с.
25. Amgoud L., Prade H. Using arguments for making and explaining decisions. *Artificial Intelligence*. 2009. Vol. 173. Issues 3–4. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S000437020800194X> (дата обращения: 20.02.2019).
26. Carenini G., Moore J. Generating and evaluating evaluative arguments. *Artificial Intelligence*. 2006. Vol. 170. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S000437020600066X> (дата обращения: 20.02.2019).
27. De Ascaniis S. Criteria for designing and evaluating argument diagramming tools from the point of view of argumentation theory. *Educational technologies for teaching Argumentation Skills* / eds. : N. Pinkwart, B. McLaren. Sharjah : Bentham Science, 2012. P. 3–27.
28. Dung P. On the acceptability of arguments and its fundamental role in nonmonotonic reasoning, logic programming and n-person games. *Artificial Intelligence*. 1995. Vol. 77. P. 321–357.
29. Gaonkar P. The Idea of Rhetoric in the Rhetoric of Science. *Southern Communication Journal*. 1993. Vol. 58. Issue 4. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/10417949309372909> (дата обращения: 20.02.2019).
30. Hogan M., Kurr A. Civic education in competitive speech and debate. *Argumentation and Advocacy*. 2017. Vol. 53. Issue 2. P. 83–89.
31. Noroozi O. Considering students' epistemic beliefs to facilitate their argumentative discourse and attitudinal change with a digital dialogue game. *Innovations in Education and Teaching International*. 2018. Vol. 55. Issue 3. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14703297.2016.1208112> (дата обращения: 20.02.2019).
32. Paglieri F., Castelfranchi C. Why argue? Towards a cost-benefit analysis of argumentation. *Argument & Computation*. 2010. Vol. 1. Issue 1. P. 71–91.
33. Staarman J., Krol K., Meijden H. Peer Interaction in Three Collaborative Learning Environments. *Journal of Classroom Interaction*. 2005. Vol. 40.1. P. 29–39. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ768690.pdf> (дата обращения: 20.02.2019).
34. Weinberger A., Fischer F. Framework to analyze argumentative knowledge construction in computer-supported collaborative learning. *Computer and Education*. 2006. Vol. 46. Issue 1. P. 71–95.
35. Wojdak M. An attention-grabbing approach to introducing students to argumentation in science. *Bioscience Education*. 2010. Vol. 15. Issue 1. P. 1–3.

REFERENCES:

1. Abramovych, S., Moldovan, V., Chikarkova, M. (2002). Rytoryka zahalna ta sudova: navchalnyi posibnyk [Rhetoric general and court: a tutorial]. Kyiv: Yurinkom Inter [in Ukrainian].
2. Abramovych, S., Chikarkova, M. (2001). Rytoryka: navchalnyi posibnyk [Rhetoric: a tutorial]. Lviv: Svit [in Ukrainian].
3. Braun, L. (1996). Imidzh – put k uspekhu [Image – the path to success]. Saint Petersburg: Piter Press [in Russian].
4. Volkov, A. (2003). Osnovy ritoriki: uchebnoe posobie dlia vuzov [Basics of rhetoric: a textbook for universities]. Moscow: Akademicheskii prospekt [in Russian].
5. Galperin, I. (1981). Tekst kak obiekt lingvisticheskogo issledovaniia [Text as an object of linguistic research]. Moscow: Nauka [in Russian].
6. Goikhman, O., Nadeina, T. (2007). Rechevaia kommunikatsiia: uchebnyk [Speech communication: textbook]. 2nd ed. Moscow: INFRA-M [in Russian].
7. Gurvich, S., Pogorelko, V., German, M. (1988). Osnovy ritoriki [Basics of rhetoric]. Kyiv: Vyshcha shkola [in Russian].
8. Zhdanova, E. (2010). Lichnost i kommunikatsiia: praktikum po rechevomu vzaimodeistviu [Personality and Communication: Speech Interaction Workshop]. Moscow: Flinta [in Russian].
9. Issers, O. (2009). Rechevoe vozdeistvie: uchebnoe posobie dlia studentov, obuchaiushchikhsia po spetsialnosti "Sviazi s obshchestvennostiu" [Speech Impact: A textbook for

- students enrolled in the specialty "Public Relations". Moscow: Flinta; Nauka [in Russian].
10. Kliuev, E. (1999). Ritorika. Inventsiia. Dispozitsiia. Elokutsiia: uchebnoe posobie dlia vuzov [Rhetoric. Invention. Disposition. Elocution: a textbook for universities]. Moscow: PRIOR [in Russian].
 11. Kovalenko, S. (2007). Suchasna rytoryka: navchalno-praktychnyi posibnyk [Modern rhetoric: an educational and practical guide]. Ternopil: Mandrivets [in Ukrainian].
 12. Koltunova, M. (2000). Iazyk i delovoe obshchenie: normy, ritorika, etiket: uchebnoe posobie dlia vuzov [Language and business communication: norms, rhetoric, etiquette: a textbook for universities]. Moscow: OAO "NPO "Ekonomika" [in Russian].
 13. Matsko, L., Matsko, O. (2006). Rytoryka: navchalnyi posibnyk dlia studentiv vyshchyykh navchalnykh zakladiv [Rhetoric: a textbook for students in higher education]. 2nd ed. Kyiv: Vyshcha shkola [in Ukrainian].
 14. Mikhailichenko, N. (1994). Osnovy ritoriki: uchebnoe posobie [Basics of rhetoric: tutorial]. Moscow: IuNTUS [in Russian].
 15. Mikhalskaia, A. (2002). Metodicheskie rekomendatsii k uchebniku "Osnovy ritoriki. 10–11 klasy" [Guidelines for the textbook "Basics of rhetoric. Grades 10–11"]. Moscow: Drofa [in Russian].
 16. Ovchynnikova, A. (1997). Piat krokiv do hanoi movy. Movna komunikatsiia: tekhnika movlennia [Five Steps to a Good Language. Language communication: speech technology]. Odesa: OKFA [in Ukrainian].
 17. Onufriienko, H. (2008). Rytoryka: navchalnyi posibnyk dlia studentiv vyshchyykh navchalnykh zakladiv [Rhetoric: a textbook for students in higher education]. Kyiv: Tsentr uchbovoi literatury [in Ukrainian].
 18. Osypova, N. (ed.) (2009). Oratorske mystetstvo: navchalnyi posibnyk dlia studentiv vyshchyykh navchalnykh zakladiv yurydychnykh spetsialnosti [Speaking: A manual for students in higher education law specialties]. 4th ed. Kharkiv: Odissei [in Ukrainian].
 19. Savenkova, L. (2006). Movlennieva diialnist vykladacha: navchalnyi posibnyk [Speech activity of the teacher: a manual]. Kyiv: KNEU [in Ukrainian].
 20. Sahach, H. (2006). Slovnyk osnovnykh terminiv ta poniat rytoryky: navchalnyi posibnyk [Dictionary of basic terms and concepts of rhetoric: tutorial]. Kyiv: MAUP [in Ukrainian].
 21. Selivanova, E. (2002). Osnovy lingvisticheskoi teorii teksta i kommunikatsii: monograficheskoe uchebnoe posobie [Fundamentals of linguistic theory of text and communication: monographic tutorial]. Kyiv: TsUL; Fitosotsiotsentr [in Russian].
 22. Sternin, I. (2007). Prakticheskaiia ritorika: uchebnoe posobie dlia studentov vysshikh uchebnykh zavedenii [Practical rhetoric: a textbook for university students]. 4th ed. Moscow: Akademiia [in Russian].
 23. Khazagerov, G. (2009). Ritoricheskii slovar [Rhetorical dictionary]. Moscow: Flinta; Nauka [in Russian].
 24. Shulezhkova, S. (2008). Istoriia lingvisticheskikh uchenii: uchebnoe posobie [History of linguistic studies: a textbook]. 4th ed. Moscow: Flinta; Nauka [in Russian].
 25. Amgoud, L., Prade, H. (2009). Using arguments for making and explaining decisions. *Artificial Intelligence*, vol. 173, issues 3–4. Retrieved from: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S000437020800194X> [in English].
 26. Carenini, G., Moore, J. (2006). Generating and evaluating evaluative arguments. *Artificial Intelligence*, vol. 170. Retrieved from: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S000437020600066X> [in English].
 27. De Ascaniis, S. (2012). Criteria for designing and evaluating argument diagramming tools from the point of view of argumentation theory. *Pinkwart N., McLaren B. (eds.). Educational technologies for teaching Argumentation Skills*. Sharjah: Bentham Science, pp. 3–27 [in English].
 28. Dung, P. (1995). On the acceptability of arguments and its fundamental role in nonmonotonic reasoning, logic programming and n-person games. *Artificial Intelligence*, vol. 77, pp. 321–357 [in English].
 29. Gaonkar, P. (1993). The Idea of Rhetoric in the Rhetoric of Science. *Southern Communication Journal*, vol. 58, issue 4. Retrieved from: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/10417949309372909> [in English].
 30. Hogan, M., Kurr, A. (2017). Civic education in competitive speech and debate. *Argumentation and Advocacy*, vol. 53, issue 2, pp. 83–89 [in English].
 31. Noroozi, O. (2018). Considering students' epistemic beliefs to facilitate their argumentative discourse and attitudinal change with a digital dialogue game. *Innovations in Education and Teaching International*, vol. 55, issue 3. Retrieved from: <http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14703297.2016.1208112> [in English].
 32. Paglieri, F., Castelfranchi, C. (2010). Why argue? Towards a cost-benefit analysis of argumentation. *Argument & Computation*, vol. 1, issue 1, pp. 71–91 [in English].
 33. Staarman, J., Krol, K., Meijden, H. (2005). Peer Interaction in Three Collaborative Learning Environments. *Journal of Classroom Interaction*, vol. 40.1, pp. 29–39. Retrieved from: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ768690.pdf> [in English].
 34. Weinberger, A., Fischer, F. (2006). Framework to analyze argumentative knowledge construction in computer-supported collaborative learning. *Computer and Education*, vol. 46, issue 1, pp. 71–95 [in English].
 35. Wojdak, M. (2010). An attention-grabbing approach to introducing students to argumentation in science. *Bioscience Education*, vol. 15, issue 1, pp. 1–3 [in English].